

Александр Николаевич Кестер

Другой дорогой

Замысловатый этюд

Александр Николаевич Кестер

Другой дорогой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63081212

SelfPub; 2020

Аннотация

Бывает так, что мы получили то, что хотели. И заплатили за это невыносимую цену. Но вдруг – потеряли. И нам говорят: ты не устоял, ты слаб, плохо боролся. А бывает и наоборот: ты чего-то очень хотел. Но не достиг. И тогда тебе говорят: ты плохо желал, ты плохо боролся за своё счастье. И то, и другое нас очень огорчает. И тогда мы смещаемся в ином направлении.

Александр Кестер

Другой дорогой

Знакомо ли вам состояние между сном и пробуждением? Именно в этот момент я уловил очертания фразы, глубоко меня тронувшей когда-то, что сон – это главное утешение человека. Вот и я, всё чаще пробуждаясь, чувствую невероятное удовлетворение от встречи с чем-то потаённым внутри меня.

Будильник прилежно пропищал, огласил время и переключился на радио: «Бабье лето придёт уже на следующей неделе», – сообщили синоптики. Ветер гоняет пожухлые листья, они сталкиваются, недовольно шурша, и сбиваются в кучи. Солнечно, не жарко, но главное – воздух совсем другой. «Тепло поднимается вверх, разгоняет облака и повышает атмосферное давление», – объясняют исследователи. Поэтому погода меняется.

Для меня эта пора – нечто особенное: восхитительный взрыв ароматов и цвета. А ведь это – последний выдох уходящей поры.

В юности, летом, вместо того, чтобы отдыхать где-нибудь на зелёной полянке, купаясь в ультрафиолете или умотать дней на десять к морю, я работал. Всё забросив, обо всех позабыв. И в жару, и в духоту. Разносил освежающие коктейли, подменял ребят, которые брали отпуска или отгулы.

Обычно в сезон берут наёмников со стороны, на замену или в помощь, но я предложил отказаться от них, себя предложил. Деньги были нужны. Давно уже заглядывался на культовый смартфон. Когда выпустили новую модель, понял, что созрел, решил – куплю его. Зачем? Странный вопрос – престижно! И будет чем отвлечься в дождливое, промозглое время, осваивая новую «игрушку», как называет мама все эти технические новшества, радуясь при этом, что дожидается до таких чудес. В годы её молодости и телевизор был редкостью, а телефон – подавно. Стационарные, дисковые устанавливали только особо важным персонам: учёным, политикам, военным. И всё? Конечно нет, при чём тут телефон! Шерше ля фам, как говорят французы, когда мотивация поступков мужчины неясна – ищите женщину.

Юрка – славный компанейский парень, друг юности. Умел говорить то, что от него ждут девушки, поэтому пользовался успехом. Он выглядел серьёзным, основательным и старше своих лет. Как только представилась возможность, взял кредит, обзавёлся всеми атрибутами успешного человека и ходил щёголем. Ну и что, что до сих пор не вылезает из долгов. Но её же он добился... Что Светка на него запала, я понял в ту поездку, на озеро. Они долго сидели вечером у костра, болтали, а всю обратную дорогу задумчиво отмалчивались, искоса следя друг за другом. Через неделю мы встретились, и Юрка как-то невзначай, в сторону обронил: «Хороша Маша, да не наша». Затем всё как обычно, по сценарию, про-

щальный разговор и это её примеряющее:

– Не злись, пожалуйста, – Светка под села ближе, взяла меня под руку и слегка прижалась, – Подумай, что у нас впереди: сидеть вечерами после работы на этой скамейке, жить в одной квартире с родителями, ездить на работу на Москвиче...

Я сжался в комок и почти выкрикнул:

– Так и говори прямо: ездить на отстойной машине и жить в коммуналке.

– Я так и говорю, – она отстранилась, насупилась и поджала губки, – сплошная романтика, а жизнь то идёт. Люди каждое лето уезжают к морю, на курорт. Чем я хуже?

– Но я же работаю, заработаю, машину со временем поме няю, и квартиру справлю, – сказал я и с надеждой посмотрел на Светку.

– Ты думаешь мне сейчас легко, и я ни о чём не жалею? Не злись, пожалуйста...

Вскоре они с Юркой поженились.

Похолодало. Свитер, куртка на замок, перчатки. Прогрел бэху. Выехал. На светофоре направо, вдоль обшарпанных стен машиностроительного завода, мимо вывески «Промышленная и бытовая химия. Оптом и в розницу». Если прямо, через железнодорожный переезд и на трассу, то через пятнадцать минут буду на работе.

Еду, район знакомый: первое время после свадьбы друзья с женой снимали здесь квартиру. За заводом – парк,

а за парком – жилой район, там их дом. Вдруг меня будто вожжой! Торможу, сворачиваю, вдоль домов, по узкой улочке, пересёк дорогу и во двор. Там чудесная детская площадка и скамейка за высокими кустами. Мы со Светой, первой любовью моей, там часто сидели вечерами. Болтали, целовались, тянули время – не хотелось расставаться.

Остановил машину. «Как я тут оказался? Зачем? Что меня дёрнуло свернуть?» – недоумевал я. Охватило странное беспокойство, чувство такое, будто не я управлял собой.

Ладно, пройдуся, коль приехал. Вышел, прошёл вдоль ограды. Зашёл в калитку. Голые ветки кустарника, скамейка... Память, физическая память, эта чёртова физическая память. Порыв ветра пробудил пожухлые листья, они недовольно зашикали... Света? Светка! Сидит. На меня смотрит, улыбается. Телефон в руках, рядом сумочка. Будто и не было суматошного рабочего лета, будто и не расставались.

На Светке её любимое пальто. Белый пушистый воротник – поднят. Струи стекающих на плечи волос укрывает розовая беретка, придавая озорству её взгляда утончённости, а радостному блеску в глазах – нежности. А эти её ямочки на щеках всегда отнимали у меня волю и способность мыслить здраво. Сидит, на меня смотрит, улыбается:

– Звоню, звоню – не отвечаешь. Смотрю, машина во двор въехала. Ты. Вот так да!

– Дёрнуло что-то..., – подбирал я слова, захотелось сказать что-то приятное, – На наше место потянуло, соскучился.

– Так «что-то дёрнуло» или «соскучился»?

Ох уж эта Светка, и ничего-то от её внимания не ускользнет.

– Сам не знаю, так захотел, будто должен был это сделать, со всей непреложностью, как закон, понимаешь... А ты как тут оказалась?

– Ножками, – рассмеялась Светка, – Почему не отвечал на звонки?

– Смартфон дома забыл, – ответил, и неожиданно для себя добавил, – Надоело!

– Стоило тогда из-за этого всё лето пахать, всех друзей позабыть?

– Не знаю. Думал, что стоило, – и развёл руками.

Мы посидели, поболтали, договорились вечером встретиться. Я отвёз её на работу. Сам опоздал, но ничего, день – будний, до обеда спокойно.

Не успел переодеться, как администратор позвал к телефону.

– Сынок! Слава Богу! На работе говорят – ещё не приехал, а по новостям сообщили, что на переезде авария такая страшная, – услышал я взволнованный голос мамы.

– Мам, всё хорошо, я в порядке. Я другой дорогой поехал.

Успокаивал её, а про себя думал: «почему-то другой дорогой».

– Прости, телефон дома забыл.

– Ты бы звонил почаще, а то как отшельник в своей но-

востройке с видом на море.

– Хорошо. Целую. Мне на смену пора.

Повесил трубку, подвязал чёрный передник, положил в карман блокнот и ручку. Я не осознал, что именно сказала мама, что её так взволновало. Больше меня занимало другое. пока возился, вспоминал как мы со Светкой в детстве учились читать мысли. Один загадывал и записывал на листочек, для верности, чтобы без обмана. Второй угадывал. Иногда получалось. А ещё я вспомнил ту самую фразу, думы о который прервал прилежный будильник, что сон – это главное утешение человека, который испытывает недостаток тактильных ощущений, который живёт в воспоминаниях, который в мечтах своих компенсирует проблемы реальности. И чем ближе мы к старости, тем всё больше смещаемся в этом направлении.

Я накинул салфетку на руку, вышел в зал. Он был пуст.